

Е.В. Александрова

КРЫМСКАЯ ВОЙНА В РЕЦЕПЦИИ Е.П. КОВАЛЕВСКОГО И Л.Н. ТОЛСТОГО

Рассматриваются типологические пересечения между ранним творчеством Л.Н. Толстого и произведениями Е.П. Ковалевского 1850-х гг. Исследовательское внимание движется от истории личных взаимоотношений писателей в период Дунайской кампании и севастопольских событий к сравнительно-сопоставительному изучению произведений, созданных в период Крымской кампании. В рассказе Л.Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце» и очерке Е.П. Ковалевского «Бомбардирование Севастополя» нашла отражение переключка авторских концепций, тем и образов. Обосновывается становление центральной проблемы в творчестве писателей – человек и его роль в истории.

Ключевые слова: Е.П. Ковалевский, Л.Н. Толстой, очерк, романтическая и реалистическая концепция истории войны, художественная деталь.

Тема «Е.П. Ковалевский и Л.Н. Толстой» комплексно и системно в отечественном литературоведении не разрабатывалась¹, однако её актуальность и новизна заключаются в пересечении художественных поисков начинающего писателя (Толстой) и писателя, уже известного в середине XIX в., но ныне забытого (Ковалевский). Имя последнего встречается как в письмах, дневниках, заметках самого Толстого (с 1855 г.), так и в свидетельствах современников. В энциклопедии «Лев Толстой и его современники» Ковалевский выступает как «один из “литературных приятелей” Толстого» [1. С. 251].

¹ Представляет интерес работа Ю. Красносельской «Лев Николаевич Толстой и Егор Петрович Ковалевский: литературные и идеологические связи в 1856 г.», в которой отмечаются интерес Л.Н. Толстого к историческим изысканиям Ковалевского и близость их идеологических воззрений в период 1856 г. [2].

Обращает на себя внимание множество точек пересечения в биографии и творчестве двух писателей. Дунайская компания, Севастополь, Петербург, общий круг знакомых, вращение в одной литературной среде, их критическое восприятие современниками в едином русле – все это даёт основание для критического исследования. Особое значение имеет переключка тем и образов, концепций и воззрений в произведениях Толстого и Ковалевского периода Крымской кампании² 1853–1856 гг.

Ключевые события Крымской войны в результате будут представлены историческим трудом Ковалевского «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. Бомбардирование Севастополя» и «военными статьями»³ Толстого, самые знаменитые из которых – «Севастопольские рассказы».

Толстой и Ковалевский познакомились в Дунайской армии. Последний с 1853 г. находился при штабе командующего войсками, расположенными в Молдавии и Валахии, М.Д. Горчакова и по его поручению вёл записки о событиях Крымской кампании.

Л.Н. Толстой отъезжает в Дунайскую армию в конце февраля 1854 г. О знакомстве с Ковалевским ни в дневниках, ни в письмах 1854 г. не говорится, но есть косвенное подтверждение интереса Толстого к Ковалевскому-писателю. В дневнике от 13 июля 1854 г. лаконичная запись: «Читал о Черногории» [4. С. 12]. В комментариях В.И. Срезневского указано: «Вероятно книгу своего сослуживца Егора Петровича Ковалевского “Четыре месяца в Черногории”, Спб. 1843» [4. С. 258].

«Штабной офицер Дунайской армии» [5. С. 530] Толстой подаёт рапорты о переводе в Крымскую армию ещё до основных событий осады Севастополя. В дневниковых записях от 7, 14, 23, 30 июля 1854 г. регулярно упоминается факт обращения к своим непосредственным начальникам генералу А.О. Сержпутовскому и Н.А. Крыжановскому. 19 июля 1854 г. в составе штаба начальника артиллерии

² Термин «Крымская война» применяется ко всему комплексу военных событий 1853–1856 гг. Обоснование такой позиции см. в: [3. Т. 1. С. 28].

³ Военными статьями Толстой называет кавказские рассказы и статьи для журнала «Военный листок», который был задуман в Дунайской армии группой офицеров.

покинул Бухарест, 9 сентября приехал в Кишинёв. В начале сентября союзный флот высадился на морском берегу между Евпаторией и рекой Альма. Первое неудачное сражение на реке Альма (8 сентября 1854 г.), события под Балаклавой (13 октября), сражение под Инкерманом (24 октября 1854 г.)⁴ заставили с новой силой добиваться перевода в Крымскую армию. Кардинально меняются и записи в дневнике. Всё больше высказываний о Севастополе, судьбе армии. Н.Н. Гусев в материалах к биографии подробно рассказывает о чувствах Толстого: «Его возмущало то, что в то время, как армия отступала и в Крыму происходили серьёзные сражения, в Кишинёве давались балы в честь приехавших великих князей Николая и Михаила» [6. С. 505]. В письме к брату Сергею Николаевичу от 3 июля 1855 г. среди главных причин, побудивших добиваться перевода, назван патриотизм, «который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня» [7. С. 321]; эта же мысль в дневниковой записи от 2 ноября 1854 г.: «Велика моральная сила русского народа... Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней» [4. С. 27]. Первая смерть под Инкерманом близкого знакомого И.К. Комстадиуса (член кружка по изданию военного журнала) «больше всего побудила меня проситься в Севастополь. Мне как будто стало совестно перед ним» [4. С. 28].

Е.П. Ковалевский, «узнав о высадке англо-французских сил в Крыму», тоже просит перевести его в действующую армию в Севастополь. «После назначения М.Д. Горчакова командующим южной армией он в марте 1855 г. вместе со штабом прибыл в осажденный Севастополь и, как видно из архивных документов, находился на северной стороне Севастополя до 25 мая 1855 г.» [8. С. 165].

О севастопольском периоде в жизни и творчестве Л.Н. Толстого написано немало. Дневники, письма, воспоминания современников, критические отклики на его произведения дают богатейший материал для исследователя. Можно с точностью описать хронологию всех событий, опираясь на фундаментальный труд биографа Толстого Н.Н. Гусева.

О пребывании Ковалевского в Крыму известно мало. Главным источником информации служат некоторые архивные документы,

⁴ Запись в дневнике от 2 ноября 1854 г. Одесса [4. С. 27].

опубликованные в издании 2017 г. [9], заметки из дневника Толстого и его произведение «Бомбардирование Севастополя».

До октября 1855 г. Е.П. Ковалевский находился в Крыму. С Толстым встречался как минимум четыре раза – 24 апреля Толстой в Севастополе передаёт ему письмо от тётки для князя («Получил письмо от тетки [не сохранившееся], которое передал, для передачи князю, Ковалевскому») [7. С. 315], в письме Т.А. Ергольской от 7 мая 1855 г. называет его «своим приятелем» [7. С. 315]. 27 июня в Бахчисарае «читал Ковалевскому Весеннюю Ночь, которой он остался очень доволен» [4. С. 47]. 17 и 18 августа упоминает Ковалевского («Ковалевский сукин сын. <...> Благодаря маленькой неприятности Ковал<евского> и чудесному лунному свету мне пришла *благая мысль* Тита» [4. С. 59], «Ковалевский утром был у меня» [4. С. 60])⁵. Кроме того, можно предположить, что Толстой виделся со своим сослуживцем по Дунайской армии и 27 марта, когда в Севастополе встретился с прибывшими со штабом армии вновь назначенного главнокомандующего Горчакова: «У всех наших южных я видел искреннее удовольствие видеть меня» [4. С. 40].

В октябре 1855 г. Егор Петрович заболел тифом и вынужден был оставить Севастополь. Его отправили на излечение в Харьковскую губернию. В конце 1855 г. Ковалевский прибыл в Петербург [8. С. 165]. Тогда же он был награжден медалью за защиту Севастополя [10].

Главным свидетельством эпохи обороны Севастополя, несомненно, является исторический очерк «Бомбардирование Севастополя». На фоне информационного замалчивания событий Крымской кампании (только «Русскому инвалиду» было дозволено печатать официальную информацию о войне) публикация очерка Ковалевского была встречена с огромным интересом. Появление отрывка из 2-й части «Истории войн 1853, 1854 и 1855 годов» в печати вызвало положительный отзыв Н.Г. Чернышевского, который в рецензии на «Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные Генерального штаба капитаном Аничковым», упоминает сочинение Ковалевского: «отрывок из этой истории, помещённой недавно в «Современнике», показывает, что

⁵ Скорее всего, речь в последних записях идёт об игре в карты, так как и Толстой и Ковалевский имели эту страсть, что нашло отражение и в их произведениях.

г. Ковалевский обогатит нашу военную литературу книгою, в высшей степени замечательною как по обилию и достоверности фактов, так и по высокому достоинству изложения» [11. С. 37].

«Ценнейшим материалом» называют «большую статью Ег. Ковалевского «Бомбардирование Севастополя» авторы современного исследования «Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников» [12]. «Это, по сути, документальный материал о ходе войны. Ковалевский в точности называет количество жертв на каждый день, в некоторых случаях и имена погибших героев» [12. С. 340].

Публикация двух глав из книги Ковалевского состоялась в мае 1856 г. Уже были опубликованы все три Севастопольских рассказа Толстого. Характерно, что, описывая события второго «бомбардирования» Севастополя, Ковалевский указывает дату окончания очерка: Севастополь. Август 1855 г. Это значит, что перед нами не только хроника событий, но и осмысление их повествователем по прошествии некоторого времени⁶. В отличие от Толстого, который был непосредственным участником обороны, Ковалевский, скорее, наблюдатель, очеркист. Мы видим войну в изображении обоих писателей под разным углом зрения. Первый рассказ Толстого «Севастополь в декабре» написан под впечатлением первого посещения Севастополя в ноябре и декабре 1854 г. и дежурства на 4-м бастионе в апреле 1855 г. Именно в это время Толстой узнаёт со слов раненых о первой бомбардировке Севастополя, а во время второй – с 27 марта по 4 апреля – сам находится в эпицентре событий. Пример упоминания первой бомбардировки ярко иллюстрирует особенность повествовательной манеры каждого писателя.

Упоминание Ковалевского о первой бомбардировке лишь констатирует мощностъ второй, а сам он в это время ещё не находился в Крыму. И Толстой появится в Севастополе позже, но свидетельства очевидцев для него красноречивее фактов, так как передают живую динамику событий.

⁶ Эта особенность характерна и для произведения «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах». Возвратившись к рукописи спустя 10 лет после окончания войны, Ковалевский знал судьбу героев и дополнял их биографии фактами из Крымских событий.

Л.Н. Толстой «Севастополь в декабре»	Е.П. Ковалевский «Бомбардирование Севастополя»
– На пятом бастионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, таким манером, к другой амбразуре, как он ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет [13. С. 337]	
Офицер этот расскажет вам, – но только, ежели вы его расспросите, – про бомбардированье пятого числа, расскажет, как на его батарее только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось восемь человек, и как на другое утро, шестого, он палил из всех орудий; расскажет вам, как пятого попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек; покажет вам из амбразур батарей и траншей неприятельские, которые не дальше здесь как в тридцати – сорока сажнях [13. С. 344]	Неприятель действовал из 275 орудий огромного калибра и 80 мортир, между тем как в бомбардировку 5, 6 и 7-го октября 1854 года он едва имел половину этого числа, не принимая в расчет орудий флота, которые предназначены были для своего круга действий на приморские батареи и укрепления [14. С. 146]

Описывая второе бомбардирование Севастополя, Ковалевский в подробностях рассказывает о готовности защитников города к обороне: укрепление редутов, «устройство блиндированных помещений на бастионах», «повсюду утолщены и возвышены брустверы, насыпаны траверзы, где их еще не было» [14. С. 144], «Камчатский люнет был значительно усилен» [14. С. 145]. Называются точные даты, называются полки, место действия, приводятся цифры убитых и раненых. Но в документальном описании обнаруживаются художественные вкрапления. Здесь проявляется природа повествовательного метода Ковалевского. Как историк он точно передает факты, но как художник-повествователь трактует общий ход событий «высшей правдой»: «Один из французских перебежчиков, увидев женщин на улицах Севастополя, спросил с удивлением: «Неужели они остаются здесь?» и, получив утвердительный ответ, воскликнул со свойственной французу восторженностью: «Вы не знаете, какая готовится бомбардировка: это будет день страшного суда, но только в большом виде (en grand)» [14. С. 144].

День страшного суда совпадает с Пасхой (в этом году она была 27 марта). Ковалевский как истинный православный не может не видеть в этом знак провидения. «Настала Страстная неделя. В этот год она приходилась в одни и те же числа у нас и у католиков. Как будто само Провидение указывало на таинственное знамение креста, связывающее всех христиан между собой; а христиане шли под знаменем луны, рядом с поклонниками Магомета, против тех, которые вооружились на защиту христианства» [14. С. 146]. Как романтик Ковалевский вместо исторического объяснения даёт ответ в духе религии, что соответствует его концепции – объяснить общий моральный подъём высшими ценностями, которые должны объединять людей, а не разъединять.

Описывая в подробностях каждый день бомбардировки Севастополя, Ковалевский создаёт «кровавую летопись потерь и разрушений» [14. С. 153]. И нельзя не заметить некоторых общих черт в изображении писателей. Несколькими штрихами и точными деталями передано состояние Севастополя в описании Толстого (на 4-м бастионе он был в период второго бомбардирования) и описания города Ковалевским:

Л.Н. Толстой «Севастополь в декабре»	Е.П. Ковалевский «Бомбардирование Севастополя»
<p>Вы выходите из дверей направо, и пройдя еще одну баррикаду, и поднимаетесь вверх по большой улице. За этой баррикадой дома по обеим сторонам улицы необитаемы (здесь и далее в цитатах полужирный курсив мой. – Е.А.) вывесок нет, двери закрыты досками, окна выбиты, где отбит угол стоны, где пробита крыша. Строения кажутся старыми, испытанными всякое горе и нужду ветеранами и как будто гордо и несколько презрительно смотрят на вас. По дороге спотыкаетесь вы на валяющиеся ядра и в ямы с водой, вырытые в каменном грунте бомбами. <...> Проходя дальше по улице и спустившись под маленький изво-</p>	<p>Севастополь <i>пустел</i>, но все еще сохранял вид города. Разрушение шадило некоторые удаленные от оборонительной линии места, хотя доходило уже до половины Екатерининской улицы. Окна стояли большей частью без стекол, иные без рам; во многих домах были выбраны полы для платформ [14. С. 161]</p>

лок, вы замечаете вокруг себя уже не дома, а какие-то странные груды развалин-камней, досок, глины, бревен; впереди себя на крутой горе видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть четвертый бастион... [13. С. 342]

Настроение, связанное с состоянием города, подчёркивается и деталями пейзажа. Удивительное сходство в восприятии психологии героев и рассказчика передаётся через образ «тумана»:

Л.Н. Толстой «Севастополь в декабре»	Е.П. Ковалевский «Бомбардирование Севастополя»
<p>В полчаса, которые вы провели в трактуре, погода успела перемениться: <i>туман</i>, расстилавшийся по морю, собрался в <i>серые, скучные, сырые</i> тучи и закрыл солнце; какая-то <i>печальная</i> изморось сыплется сверху и мочит крыши, тротуары и солдатские шинели... [13. С. 342]</p>	<p>Настала ночь, <i>сырая и туманная</i>. Нельзя было видеть работ в неприятельской линии укреплений, но слышали большой шум. Заметно стало, что неприятель к чему-то готовится [14. С. 146]. 3 апреля стояла погода <i>туманная и дождливая</i>; особенно к вечеру дождь усилился [14. С. 156]</p>

Очерк Ковалевского и первый рассказ Толстого тесно связаны одной идеей – чувством гражданской экзальтации, национального самосознания. И в описании русского солдата, его характера, героизма защитников Севастополя оба писателя следуют «правде жизни». Ковалевский запечатлевает имена непосредственных участников войны, большинству из которых предстояло в случае гибели остаться безвестными. Мы узнаем о подвиге рядового Камчатского егерского полка Мартышина, рядового Шевченко, капитан-лейтенанта Шемякина, лейтенанта Завалишина, воронежского мужичка Василия Чумакова, «любимого солдатами и офицерами полкового командира Темирязева», одного из трёх храбрых братьев прапорщика Пржеславского [14. С. 152]. Одной деталью или эпизодом последних минут их жизни Ковалевский заостряет внимание читателя на «обыкновенных героях» Севастополя. У Толстого, напротив, «индивидуализированных лиц в очерке нет» [6. С. 543] – раненые в госпитале, жена солдата, посетители трактира, защитники 4-го

бастиона, морской офицер и батарейный командир. Только дважды упоминается уже погибший к тому времени Корнилов. Да в разговорах моряков и офицеров проскользнут «дело двадцать четвёртого» (Инкерманское сражение) да «альминское дело» [13. С. 340–341]. Ни у Толстого, ни у Ковалевского ни на секунду в этих произведениях не возникает ни малейшего сомнения, что война, которую ведут русские войска против вторгшегося на родную землю неприятеля, нравственна и справедлива:

Л.Н. Толстой «Севастополь в декабре»	Е.П. Ковалевский «Бомбардирование Севастополя»
<p>Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, – это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу России⁷, – и эту <i>невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитросплетенных траншей, мин и орудий, одних на других</i>, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется <i>духом защитников Севастополя</i> [13. С. 347]</p>	<p>Так как мы заговорили о русском солдате, то остановимся еще несколько на этом утешительном, среди всеобщего разрушения и смерти, предмете. <i>Тысяча бомб, ядер, гранат и ракет осыпали бастионы; но непоколебимо, твердо, с геройским мужеством стояли моряки и солдаты пехотных полков, окружая незыблемой стеной город, который можно было взять только, уничтожив совершенно этот живой оплот</i> [14. С. 151]</p>
<p>... и эта причина есть чувство, редко проявляющееся, но лежащее в глубине души каждого, – <i>любовь к родине</i> [13. С. 347]. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, <i>героем</i> которой <i>был – народ русский</i>. ... [Там же. С. 348]</p>	<p>Трудно себе представить, с каким безусловным, безграничным самопожертвованием русский солдат <i>отдает жизнь свою отечеству</i>: чище и бескорыстнее этой жертвы не может быть в мире. Он не рассчитывает ни на какие награды, ни на обеспечение своей будущности: он исполняет свое дело смело и без умствований. Надо было видеть <i>русского солдата</i> здесь, в Севастополе, чтобы вполне понять, как естественен подвиг Шевченка... [14. С. 151–152]</p>

⁷ В последующих изданиях «Силу русского народа».

Эти примеры эмоционально родственны. Толстой обращается к читателям с помощью местоимения «вы», делая его соучастником увиденного. Ковалевский, прибегая к обобщениям после представленных фактов, использует местоимение «мы». «Мы не упомянули», «мы ссылаемся», «мы заговорили» (глава третья), «окончим описание» (глава четвёртая), словно летописец, наделённый полномочием быть беспристрастным. Но повествователь не может оставаться безучастным, и в текст «прорываются» обращения к читателю:

Чем можно объяснить следующий подвиг <...> Может быть, вы скажете, что *жажда битвы, опьянение кровавой сечи* само по себе имеет для некоторых *упоительную прелесть*. Но это не такого рода война, где битва сменяется битвой, в пылу которой человеку некогда опомниться, где *торжество победы* служит достаточной приманкой и наградой за все утраты, а *сладость отдыха* – за понесенные лишения и труды. Нет! *Тут нужно* мужество *терпеливое, железное*, которое без надежд, без обольщений видит *смерть ежеминутно*, прямо в глаза, день за днем, месяц за месяцем, в постоянных трудах и лишениях. *Тут нужно* не то *восторженное геройство*, которого едва хватает на двухчасовую битву в открытом поле, но закаленное, постоянное, не знающее ни отдыха, ни усталости, не рассчитывающее на завтрашний день, но встречающее его терпеливо и бестрепетно, хотя этот день, наверно, *унесет за собой в вечность* очень много храбрых [14. С. 152–153].

Риторические восклицания, диалог с читателем, синтаксический параллелизм, который усиливает эмоциональный подъём, инверсия, повторы, романтическая лексика становятся ярким контрастом по отношению к фактам и хронике. Стилистически данное повествование близко и приведённым отрывкам Л.Н. Толстого. Используя обобщённо-личные предложения, Е.П. Ковалевский подчёркивает всеобщий характер драматических событий.

Местоимение «я» появляется только в последнем предложении очерка, и оно выступает совсем в иной функции – показывает всю незначительность труда автора в сравнении с описываемыми им событиями: «Я чувствую всю немощь свою перед величием той страшной драмы, которая разыгрывается в глазах мира, и оставляю свой слабый труд» [14. С. 162].

В этом сравнении очевидна разница в творческом методе Ковалевского и Толстого. Описывая с исторической точностью реальные

детали, Ковалевский яркими «мазками» рисует романтическую картину. Он использует конкретные реальные детали чаще всего как способ подчеркнуть какую-то яркую черту, отмеченную им в жизни, тогда как Толстой стремится показать (выделить) не столько черту, сколько качество самой жизни.

Отличие статьи Ковалевского от рассказа Толстого и в степени оценки исторического события. Описывая бомбардировку Севастополя как историк, первый не отказывается и от нравственно-политических обобщений. В этой статье продолжается тема «разрыва с западными державами», борьбы одной страны против «трех государств <...> была эта борьба с Россией, в самой себе, в одной себе и правоте своего дела, обретающей силу и мощь против всех врагов ее, против всего союза, который Запад силился еще умножить» [14. С. 147]. Историческая концепция Ковалевского проявляется и в восприятии им безнравственных поступков противника, например, факта «воинственной выходки» под прикрытием «тёмной, безлунной ночи» манёвров в направлении Северной бухты и обстрелов вне видимости наших батарей. Приводя конкретные примеры, Ковалевский выходит на уровень философских обобщений: «Есть вещи в войне, против которых никто, конечно, не восстает явно; но нравственное чувство человека не может одобрить их и невольно отталкивает от себя. Таким образом, этот набег *в глухую, темную ночь* парохода-фрегата, также быстро исчезавшего, как и появлявшегося на поле действий <...> находил всеобщее, единодушное порицание в нашем лагере, и мы не думаем, чтобы многие из союзников одобряли его» [14. С. 149–150].

Подобный факт вызывает возмущение военного, как и беспочвенные обвинения в нарушении русскими перемирия и обстрела парламентёрского флага, «прикалывания раненых неприятельских солдат» [14. С. 150]. Факты, которые приводит Ковалевский, абсолютно реалистичны, но форма их подачи более эмоциональная, чем этого требует жанр исторического очерка. Он словно «размывает» документальный текст, добиваясь романтического эффекта – сопереживания повествователя и читателя, чему способствует и использование высокой лексики (святой, святых, святотатственные поступки) в сочетании с разговорной (бранит, дерётся, вылазки) для описания пленных и русских солдат.

Мы ссылаемся на неприятельских пленных: пусть они засвидетельствуют, как обходятся с ними русские вообще. Нет добродушнее существа, как русский солдат. Несмотря на то, что неприятель, вышедший на русский берег, коснулся того, что ближе и *святе* всего в мире для русского – *святини* церквей: изрубил иконы, разграбил церковь, осквернил и изнасиловал жен и дочерей в Керчи, русский солдат все-таки находит возможным извинить *святотатственные поступки*: когда молодой солдат бранит неприятеля, старый солдат всегда заметит ему: «он не виноват: как ему приказано, так он и делает; а француз хорошо дерется», заметит он в заключение, и охотно дерется с французом, особенно на вылазках, потому что любит брать грудью, штык предпочитает всему и не охотник прятаться за камнем и оттуда издалека поражать штыцером неприятеля [14. С. 151].

Это размышление Ковалевского перекликается с высказыванием Толстого о пленных и раненых в письме к гр. С.Н. Толстому от 20 ноября 1854 г. из Эски-Орда: «...как тебе рассказать все, что я там видел и где я был и что делал, и что говорят пленные и раненные французы и англичане и больно-ли им и очень-ли больно им, и какие герои наши моряки и наши солдаты, и какие герои наши враги, особенно англичане» [7. С. 281].

Особенной гордостью проникнуты слова восхищения теми, кто стал легендой в глазах солдат и матросов. В период написания рассказа Толстым 25 апреля 1855 г. (и в момент описываемых событий) был уже убит Корнилов. Но имя его овеяно не только славой, но и всеобщей любовью. Каждый из писателей нашёл особенные слова, чтобы выразить чувство всенародной любви:

Л.Н. Толстой «Севастополь в декабре»	Е.П. Ковалевский «Бомбардирование Севастополя»
Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, – времена, когда этот <i>герой, достойный древней Греции, – Корнилов</i> , объезжая войска, говорил: «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», – и	<i>Дух Корнилова</i> , решившегося отстаивать грудью открытый город и зачавшего укрепление под выстрелами и в виду неприятеля, витал над ним и прикрывал его от гения всеобщего разрушения [14. С. 161]

<p>наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: «Умрем! ура!» – только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом [13. С. 347]</p>	
---	--

А в момент написания очерка Ковалевским в августе 1855 г. уже известна судьба многих героев. Поэтому как ретроспекция воспринимается утверждение автора:

Еще были живы и одушевляли гарнизон многие из славных защитников Севастополя. На бастионах являлся по-прежнему Нахимов, с постоянно кроткой, спокойной физиономией, с приветом и добрым словом для солдата и офицера; но знавшие его коротко проникали уже грустную думу, тяготившую его <...>. Нахимов понимал безнадежность положения города <...>. Чудом сохранялась жизнь этого бесстрашного человека; но Провидение, всегда милостивое к героям, не допустило его быть свидетелем бедствия, которое едва ли он мог бы вынести, безусловно преданный своей задушевной мысли [14. С. 161].

В этом описании Нахимова уже прочитывается исход героического сражения севастопольцев. Когда очерк будет опубликован, Севастополь будет сдан. Спустя много лет Е.В. Тарле напишет о Нахимове: «С каждым месяцем им [окружающим Нахимова] становилось всё яснее, что этот человек не может и не хочет пережить Севастополь» [3. Т. 2. С. 259].

В последних строках очерка интонация повествования (как и у Толстого) проникнута грустью и одновременно восхищением:

По-прежнему являлись на бастионах и другие сподвижники Нахимова: один, всегда серьезный, ничем невозмутимый, несмотря на страдание болезни, снедавшей его, тот, высокую фигуру которого так изучил неприятель, встречая и провожая ее сотней пуль; другой, любимец солдат и матросов, защитник Малахова кургана, не сходил с него ни днем, ни ночью; третий, надежда и оплот Севастополя, противопоставлял врагу на каждом шаге новые преграды и боролся с ним всей силой знания и геройства. Над всем этим бодрствовал дух одной воли, одного человека, не знавшего ни покоя, ни отдыха, отовсюду окруженного препятствиями, беспрестанно изыскивавшего новые опоры своим недостаточным средствам... Потомство оценит вполне заслуги его, отстоявшего Крым и славу русского оружия против силы и искусства полусвета, вооружившегося на нас [14. С. 161–162].

Этот приём «остранения», когда не названы имена главных участников обороны Севастополя, не мог обмануть читателя – Истомин, Тотлебен, Нахимов уже стали его героями. И Е.П. Ковалевский, как и Л.Н. Толстой, увековечили в памяти всех защитников Севастополя, названных по имени или безымянных.

Таким образом, точками пересечения между Е.П. Ковалевским и Л.Н. Толстым являются не только личное знакомство авторов во время Крымской кампании и практически одновременная публикация произведений на одну тему, но и переключка тем и образов, концепций и воззрений. Манера повествования и способы изображения героев свидетельствуют, что и Толстой и Ковалевский разными художественными средствами решают одну задачу – правдиво изображать действительность и человека как «центр истории» [15. С. 39].

Литература

1. *Лев Толстой и его современники*. Энциклопедия / под общ. ред. Н.И. Бурнашёвой. М. : Парад, 2010. 656 с.
2. *Красносельская Ю.И.* Л.Н. Толстой и Ег.П. Ковалевский: литературные и идеологические связи в 1856 г. // Лев Толстой и мировая литература : материалы VIII Междунар. науч. конф. Тула : Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 85–94.
3. *Тарле Е.В.* Крымская война : в 2 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 540 с.
4. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худож. лит., 1937. Т. 47. 556 с.
5. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 100 т. Художественные произведения : в 18 т. М. : Наука, 2002. Т. 2. 600 с.
6. *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 720 с.
7. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худож. лит-ра, 1935. Т. 59. 389 с.
8. *Вальская Б.А.* Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М. : Географиз, 1956. 200 с.
9. *Ковалевский Е.П.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Приятная компания, 2017. Т. 4. 170 с.
10. РГИА. Ф. 44. Оп. 2. № 242.
11. *Чернышевский Н.Г.* Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные Генерального штаба капитаном Аничковым. Части I и II // Современник. 1856. № 8. С. 37.
12. *Орехова Л.А., Орехов В.В., Первых Д.К., Орехов Д.В.* «Крымская Илиада». Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: ли-

тература, архивы, пресса. Симферополь: Симферополь. городская типография, 2010. 480 с.

13. Толстой Л.Н. Севастополь в декабре // Современник. 1855. № 6. С. 333–348.

14. Ковалевский Е.П. Бомбардирование Севастополя // Современник. 1856. № 5. С. 143–162.

15. Гнусова И.Ф. Л.Н. Толстой и У.М. Теккерей: проблема жанровых поисков : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.

The Crimean War in the Reception of Egor Kovalevsky and Leo Tolstoy

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 15, pp. 156–172. DOI: 10.17223/24099554/15/9

Elena V. Aleksandrova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: alexandrova.aulena@yandex.ru

Keywords: Egor Kovalevsky, Leo Tolstoy, essay, romantic and realistic conceptions of war history, artistic detail.

The article examines typological intersections between the early works of Leo Tolstoy and the works of the 1850s of Egor Kovalevsky. The theme “Egor Kovalevsky and Leo Tolstoy” has not been studied comprehensively and systematically in Russian literary criticism. The research develops from the history of personal relationships between the writers during the Danube Campaign and the Sevastopol events to a comparative study of the writers’ works created during the Crimean Campaign. Tolstoy’s “Sevastopol in December” and in Kovalevsky’s “The Bombing of Sevastopol” reflected the similarities in the authors’ concepts, themes and images. The article justifies that the central theme developed in the writers’ oeuvre was a person and their role in history. Similarities and differences in the portrayal of the heroic events of the defense of Sevastopol by the writers are considered. Kovalevsky’s essay and Tolstoy’s first story are closely linked by one idea – the sense of civic exaltation, national identity. In describing the Russian soldier, his character, the heroism of the defenders of Sevastopol, the writers follow the “truth of life”. Kovalevsky captures the names of the direct participants in the war. With one detail or episode of the last minutes of their lives, Kovalevsky draws the reader’s attention to the “ordinary heroes” of Sevastopol, emphasizing the importance of their individual feat. Tolstoy’s heroes, on the contrary, are nameless: it is the general mood of the defenders of Sevastopol that is important for the writer. There are common features in the narrative manner of the two writers: ways of depicting heroes, accuracy and imagery of landscape sketches. A few strokes and precise details convey the state of Sevastopol. The mood associated with the state of the city is emphasized by the details of the landscape. The similarity in describing the heroes’ and the narrator’s psychology is expressed through the image of fog. The features of the authors’ creative manner and the role of the narrator are analyzed. There is an obvious difference in the creative methods of Kovalevsky and Tolstoy. Describing real

details with historical accuracy, Kovalevsky paints a romantic picture with bright “strokes”. Kovalevsky uses concrete real details most often as a way to emphasize a bright feature he has noted in life, while Tolstoy seeks to show (highlight) the quality of life rather than its specific feature. The difference between Kovalevsky’s essay and Tolstoy’s story is also in the assessment of the historical event. Describing the bombing of Sevastopol as a historian, Kovalevsky does not abandon moral and political generalizations. Thus, the manner of narration and the ways of depicting heroes testify that both Tolstoy and Kovalevsky solve one problem with different artistic means – to truthfully portray the reality and the person as the “center of history”. In search of a true depiction of Sevastopol, Kovalevsky, a historian and romantic writer, moved towards realism embodied in Leo Tolstoy’s story.

References

1. Burnasheva, N.I. (ed.) (2010) *Lev Tolstoy i ego sovremenniki. Entsiklopediya* [Leo Tolstoy and his contemporaries. An encyclopedia]. Moscow: Parad.
2. Krasnosel’skaya, Yu.I. (2014) [Leo Tolstoy and Yegor Kovalevsky: literary and ideological ties in 1856]. *Lev Tolstoy i mirovaya literatura* [Leo Tolstoy and world literature]. Proceedings of the VIII International Conference. Tula: Muzei-usad’ba L.N. Tolstogo “Yasnaya Polyana”. pp. 85–94. (In Russian).
3. Tarle, E.V. (1950) *Krymskaya vojna: v 2 t.* [The Crimean War: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Tolstoy, L.N. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 volumes]. Vol. 47. Moscow: Khudozh. lit-ra.
5. Tolstoy, L.N. (2002) *Polnoe sobranie sochineniy: v 100 t. Khudozhestvennyye proizvedeniya: v 18 t.* [Complete works: in 100 volumes. Fiction: in 18 volumes]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
6. Gusev, N.N. (1954) *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1828 po 1855 god* [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1828 to 1855]. Moscow: USSR AS.
7. Tolstoy, L.N. (1935) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 volumes]. Vol. 59. Moscow: Khudozh. lit-ra.
8. Val’skaya, B.A. (1956) *Puteshestviya Egora Petrovicha Kovalevskogo* [Travels of Yegor Petrovich Kovalevsky]. Moscow: Geografiz.
9. Kovalevskiy, E.P. (2017) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Priyatnaya kompaniya.
10. Russian State Historical Archive. Fund 44. List 2. File 242.
11. Chernyshevskiy, N.G. (1856) *Voenno-istoricheskie ocherki Krymskoy ekspeditsii, sostavlennye General’nogo shtaba kapitanom Anichkovym. Chasti I i II* [Military-historical essays on the Crimean expedition, compiled by Anichkov. Captain the General Staff. Parts I and II]. *Sovremennik*. 8. p. 37.
12. Orekhova, L.A., Orekhov, V.V., Pervykh, D.K. & Orekhov, D.V. (2010) *“Krymskaya Iliada”*. *Krymskaya (Vostochnaya) vojna 1853-1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arkhivy, pressa* [The “Crimean Iliad”. The Crimean (Eastern)

War of 1853–1856 through the eyes of contemporaries: literature, archives, press]. Simferopol: Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya.

13. Tolstoy, L.N. (1855) Sevastopol' v dekabre [Sevastopol in December]. *Sovremennik*. 6. pp. 333–348.

14. Kovalevskiy, E.P. (1856) Bombardirovanie Sevastopolya [The bombing of Sevastopol]. *Sovremennik*. 5. pp. 143–162.

15. Gnyusova, I.F. (2008) *L.N. Tolstoy i U.M. Tekkerey: problema zhanrovyykh poiskov* [L.N. Tolstoy and W.M. Thackeray: The Problem of Genre Searches]. Philology Cand. Diss. Tomsk.